Силуэт зашевелился, как тепловая дымка, и постепенно сформировался в четкие очертания. Когда всплыли воспоминания об отце, Георгина спокойно вспомнила о своем отце.

Ее отец был рыбаком, любил выпить и имел грубый язык. Он без колебаний бил Георгину и ее мать, когда злился, и его нельзя было назвать хорошим отцом даже на словах.

Георгина ненавидела своего отца. Забавно, но после потери отца ее мучило чувство вины: "Я должна была заботиться о нем, пока он был жив".

Является ли это вздорностью удачливого выжившего или это была самокритика, естественно возникающая за прошлые ошибки? Ответ был неясен, но Георгина заключила просто.

"Это странно. Плохие люди не меняются после смерти, но чувство сожаления все равно остается. В конце концов, это станет пятном, которое останется в твоем сердце".

"Пятном?"

"Это раскаяние за свое отношение к тому человеку. Не оставляй пятно на себе, даже если это для того, чтобы не закончить так же, и чтобы ты мог уверенно смотреть себе в лицо."

Исаак спросил в ответ со слабой улыбкой.

"Быть уверенным?"

"Да. Для себя, молодой господин".

'Для себя'. Айзек смаковал эти последние слова, вложенные в его рот.

Возможно, кому-то это покажется фальшивым, но Айзек всегда обращался с членами Герцогства вежливо.

Потому что это то, чего они хотят. Однако, с другой точки зрения, слова Георгины были правильными. Исаак был настолько вежлив, насколько это возможно, и знал, что у него не будет сожалений, если они умрут.

Именно это и произошло с Рене. Единственное, что осталось в его сознании после смерти матери, - это сострадание к самому себе. Не было никакого чувства долга перед ней.

Потому что она не оставила пятна. Потому что он делал все возможное, чтобы быть вежливым, пока она была жива.

Исаак простодушно улыбнулся и склонил голову.

Он решил быть вежливым только для того, чтобы жить, но когда он слушал слова Георгины, ему казалось, что его жизнь стала чем-то благородным.

И в этот самый момент она тронула его, и он почувствовал себя удивительным и взрослым.

Не зная о внутренних мыслях Айзека, Георгина сменила тему с невозмутимым лицом.

"Было бы неплохо пойти на свидание с молодым господином... Мне придется найти способ не попасться на глаза госпоже. Если мы выйдем из главных ворот, нас поймают солдаты. Есть ли другой путь?"

Есть два пути.

"Если пересечь северный лес справа, то можно добраться до города".

"Правда?"

"Да. Это займет некоторое время, так как путь извилист, но если ехать на лошади, это не займет много времени. Дорога опасная, так что будьте осторожны. Там есть обрыв, и спуск крутой".

Когда она услышала об обрыве, плечи Георгины задрожали.

Обрыв в Северном лесу. В ее голове пронеслись истории, рассказанные служанками.

...Майя Оубрик умерла там.

Вместо того чтобы молча мучиться над этим, Георгина решила спросить напрямую.

"Молодой господин, до меня дошли странные слухи".

"О каком слухе ты слышала?"

"Ты случайно не знаешь кого-то по имени... Майя Оубрик?"

Айзек кивнул и с готовностью ответил.

"Да. Она была фрейлиной герцогини. Она была строгой, но обладала здравым смыслом, и герцогиня очень дорожила ею... В прошлом году с ней произошел несчастный случай в лесу".

"Правда?"

"Возможно, из-за сезона дождей земля размякла. Но почему она оказалась у обрыва... Это прискорбно. Кроме того, виконт Оубрик - самый известный среди вассалов. Инцидент настолько шокировал его, что с тех пор он не посещает собрания вассалов и, видимо, живет в уединении".

Как бы она ни смотрела на это, Айзек, с мрачным лицом пересказывающий обстоятельства, при которых находилась фрейлина, был совершенно не похож на главного виновника инцидента.

Айзек, который говорил жалостливым тоном, посмотрел на Георгину, наклонив голову.

"Но почему ты говоришь об этом?"

"Это... Я услышала кое-что немного абсурдное. Они сказали, что...."

"Этот инцидент произошел из-за того, что я толкнул ее?"

Безжалостные слова заставили Георгину прикусить губу в ответ, а затем медленно кивнуть головой.

Ясные и прозрачные глаза, смотрящие на Георгину, слегка искривились, и Айзек продолжил мягким тоном.

"Не странно, что такие слухи ходят вокруг. Поскольку я единственный человек, живущий в пристройке, а леди Оубрик была не из тех, кто обычно не любит прогулки. И все же такой человек умер в этом районе... Я бы тоже насторожился".

"...Вы, должно быть, расстроились".

"Это не имеет значения, ведь уже не день и не два меня не понимают. Да и Георгина так не думает, верно?"

Когда она кивнула, его улыбка немного углубилась.

"Это все, что имеет значение".

Айзек прислонился к книжной полке и томно улыбнулся.

Полузакрытые глаза переполняла чувственная красота, которая не соответствовала его возрасту.

Хотя она всегда опекала его, как младшего брата, считая, что он моложе ее, эта зрелая внешность, появлявшаяся время от времени, была непривычной.

Когда она уставилась на него пустыми глазами, словно околдованная, Исаак протянул длинную руку и потрепал Георгину по щеке. Затем он озорно улыбнулся.

Георгина, упивавшаяся естественностью его действий, через мгновение смутилась и отшлепала руку, касавшуюся ее щеки.

Несмотря на то, что действие было довольно грубым, Айзек не смутился, а, наоборот, разразился смехом.

"Ты-ты напугал меня! Неужели ты всегда так шутишь?"

"Реакция Георгины настолько бурная, что мне хочется продолжать шутить с ней".

"...Пожалуйста, не делай этого. Я стесняюсь".

Айзек, который постукивал по своим штанам, внезапно подошел и обнял Георгину за плечи. Когда Георгина пошатнулась и попыталась отпрянуть от удивления, он обхватил ее плечи чуть сильнее и притянул к себе.

Когда его мускулистая верхняя часть тела прижалась к ней, она почувствовала едва заметное сдавливание в груди. Их дыхание, сбившееся между близко расположенными лицами, излучало странное напряжение.

Но Иссак был очень спокоен, возможно, Георгина была единственной, кто чувствовал это.

"Молодой господин, не могли бы вы отойти на секунду?"

Ясная улыбка на лице Исаака была не столь желанной в этот момент. Когда она попыталась

оттолкнуть его плечи, Исаак стал биться быстрее и использовал еще больше силы, чтобы притянуть Георгину к себе.

"Молодой-Молодой Мастер!"

Мощная сила, которая не соответствовала его обычному слабому виду, подавила Георгину.

Она попыталась поднять руку, но не смогла сделать ни малейшего движения. Хриплый голос раздался над крепко сжатым верхним телом.

"Скажи мне, о чем ты думал, когда услышал этот слух? Неужели Георгина тоже думала, что я виновник?"

Губы, остававшиеся возле ее виска, скользнули вниз, и горячий шепот влился в ухо Георгины.

"Или тебе было жаль, что меня подставили?"

Трудно было уловить контекст его слов, потому что ее отвлекало плотно прилегающее верхнее тело. Георгина пошевелила губами, чтобы ответить с запозданием.

"Это очевидно..."

"Очевидно?"

"...Я подумала, что Молодого Мастера жалко, потому что я знаю, что он тот, кто так не поступит".

Ощущение того, что рот Айзека приподнялся вверх от соприкосновения их щек, было очень слабым.

Он боялся, что она может заподозрить его? Георгина подняла руку, лежавшую у ее бедра, и

медленно похлопала Айзека по спине.

"Не принимай это близко к сердцу. Остальные просто раздули слухи, никто на самом деле не думает о тебе плохо".

Утешительные похлопывания в сочетании с ее дружелюбным голосом создавали безмятежный уют. Айзек закрыл глаза и зарылся лицом в ее плечо.

Георгина очень наивна.

Неважно, что говорят другие. Кто будет сердиться на чириканье воробьев? Он просто притворялся перед ней жалким и был бы счастлив, если бы она считала его хоть немного более жалким.

Добрая Георгина, которая осторожно пыталась утешить бедного молодого господина, не зная его истинных намерений. Это сделало его по-настоящему счастливым и обрадовало.

"Все в порядке. Я привык к подобным сплетням. Если Георгина думает позитивно... неважно что. все остальное в порядке".

Продолжай, продолжай.

"Короче, никому не понравится такая, как я. Вот так... Я хочу заснуть, а потом растаять".

Он может притвориться жалким.

"Если я так умру, разве все остальные не будут в экстазе от того, что призрак пристройки наконец-то исчез?"

Жалкий голос потревожил мысли Георгины. Георгин взял его за лицо и проверил его выражение, после чего нахмурился, глядя на его мрачное лицо.

"Молодой мастер, почему вы так говорите?"

'Посмотри на это'.

'Ты снова смотришь на меня с озабоченным лицом'.

Словно подтверждая его внутренние размышления, Георгина притянула Айзека в свои объятия, сильнее прижимаясь к руке, которая легонько похлопывала его по спине. Она крепко обняла молодого мастера, который был крупнее ее, и настоятельно выразила свою искренность.

"Ты не должен говорить это бездумно! Ты мне нравишься. Мне нравится молодой мастер".

'Ты мне нравишься'.

Слова, которые вызывали дикую радость каждый раз, когда тайком щекотали ухо Айзека.

Однако такой дружеский толчок прошел сквозь его сознание и исчез. На самом деле, ничто не могло достичь его уха.

Все его пять чувств были заняты ее телом. Ощущение ее кожи и температуры тела передавалось по всему его телу, заставляя его дрожать. Айзек был занят тем, что не знал, что делать.

"Так что не говори таких вещей, как умереть или исчезнуть. Понял?"

Ее маленькие плечи, ее дыхание, касающееся его щеки, касающееся его груди...

'Запах Георгины'.

Каштановые волосы, которые щекотали его лоб и щеки, потрясли его рассудок, так как сильно

источали ее запах.

Ее щека, прикоснувшаяся к его шее, была мягкой, как свежеиспеченный белый хлеб. Что он почувствует, если лизнет и укусит ее?

Его глаза бесконечно расширились при виде ее мягкого женского тела.

"Молодой господин?"

'О... о нет...'

'Нет, нет.'

Его альтер-эго, о существовании которого он и не подозревал в непосредственной близости от их соприкасающейся плоти, начало дергаться и увеличиваться в размерах. Айзек вздрогнул от непривычных ощущений.

Хотя он помнил это ощущение, когда полупроснулся от влажного сна, это был первый раз в его жизни, когда он так возбудился.

Почему это должно происходить, когда Георгина была перед ним... как неприлично.

...Нет, нет.

Потому что Георгина здесь... потому что она была прямо перед ним.

'Сейчас я... вожделею Георгину...?'

Невольно вырвался грустный вздох. И все же чувство вины за свою непристойность и самооправдание, что это естественное явление и с этим ничего не поделаешь, смешались и мучили Айзека.

Прикусив нижнюю губу, он отчаянно пытался подавить свою похоть. Однако сладкий аромат ее тела, проникающий мимо кончика его носа, и мягкость прикосновения к его груди разорвали нить разума, за которую он едва держался.

'Я хочу обнять тебя'.

'...я хочу поцеловать тебя'.

Трудно было контролировать свое резкое возбуждение. Когда его губы задрожали, Айзек почувствовал, что у него помутилось в голове, и резко открыл глаза.

Один раз... Всего один раз.

В одно мгновение его беспокойство рассеялось. Вскоре после этого губы, которые вились вокруг ее тонких плеч, словно вот-вот коснутся, начали медленно подниматься вверх по ее декольте.

Его резкое дыхание не было похоже на его собственное. Его горячее дыхание коснулось бледного затылка ее шеи.

"...Молодой господин?"

Георгина, заметив необычное поведение Иссака, озадаченно посмотрела вниз. В конце концов, когда его горячие губы уже почти добрались до мочки ее уха...

"Исаак."

Тяжелый голос раздался за дверью, вместе со звуком стука.

http://tl.rulate.ru/book/64575/2055812